

Покинув ресторан "Юцзи", Су Цзинюй сразу же вернулся домой и вошел в кабинет мастера Су.

Услышав новости, принесенные Су Цзинюй, мастер Су усмехнулся: "Действительно, кто-то стоит за сценой! Как дерзок этот человек, настраивающий семью Нин против императорского клана и пытающийся втянуть в это дело семью Су! ..."

В ярости он вздохнул: "... Мо Тяньфан, великий герой, должен умереть при таких серийных схемах. Какой позор!"

Затем мастер Су сменил тему: "Этот Лу Чжэнъян - всего лишь сын бизнесмена. Даже если он и добился успеха за эти годы, я не думаю, что он достоин упоминания, но почему Нин Шаоцин позволил ему участвовать в таком важном деле?"

"Я тоже немного озадачен, но Лу Чжэнъян выглядит исключительным, судя по его манерам. Он не похож на обычного бизнесмена, на обычного человека".

"Ну, конечно, у него есть что-то другое, чтобы завоевать доверие Нин Шаоцина. Просто пошлите людей обратить на него внимание".

"Да."

"Где Ци? Он не вернулся с тобой? ..."

*

Нин Шаоцин вез Мо Цяньсюэ на увлекательную конную прогулку, а Сэйбер приказал водителю отправить няню Мо и нескольких девушек-служанок обратно в особняк Основателей, а сам поехал на карете Нин Шаоцина прямо в особняк Нин.

Таким образом, получалось, что Нин Шаоцин только слонялся по городу и вскоре отправил няню Мо обратно в особняк Основателя, а сам вернулся в особняк Нин.

В конце концов, даже если они уже были помолвлены, им не следовало проводить слишком много времени наедине друг с другом. К тому же, если новость станет известна другим, им будет небезопасно проводить время наедине.

После того как няня Мо вернулась домой, она беспокойно ждала Мо Цяньсюэ во дворе.

Небо уже темнело. Как бы ни хотелось супругам, им пришлось вернуться в город.

Он крепко обнял ее и перенес на лошадь.

Взмахнув кнутом, он погнал лошадь галопом в сторону города. Как только они въехали в город, мягкое выражение лица Нин Шаоцина сменилось холодной настороженностью. Он по-прежнему держал Мо Цяньсюэ, не входя в особняк Основателя через главные ворота, а используя кунфу легкости, отнес Мо Цяньсюэ прямо во двор Снега, никого не предупредив. Затем он ушел, не оглядываясь, так как боялся, что не сможет оставить ее еще на один взгляд...

Увидев Мо Цяньсюэ, няня Мо поспешно подошла и сообщила, что с тех пор, как они вернулись днем, три молодых господина просили о встрече с ней, чтобы обсудить что-то важное. Они приходили дважды, но им отказали, сославшись на то, что госпожа слишком устала и еще спит.

Мо Цяньсюэ нахмурилась. Были вещи, которых нельзя было избежать. Если так, то нужно быстро с ними разобраться.

Приказав Чуйи принести воды для умывания, Мо Цяньсюэ попросила няню Мо сообщить трем мужчинам, что она встала, и пусть они подождут в главном зале.

Менее чем через четверть часа Мо Цяньсюэ, посвежевшая, вышла и появилась в главном зале во внешнем дворе.

На самом деле, внутренний двор особняка Основателя был огромным со множеством дворов, но большинство из них не были заняты. Там также были цветочные залы для приема гостей-мужчин, но Мо Цяньсюэ просто не хотела, чтобы они туда заходили.

Хотя Мо Цзытан, Мо Цзыхуа и Мо Цзые были ее старшими кузенами, Мо Цяньсюэ была леди, а у них не было титулов. Конечно, они должны были встать и поклониться ей.

Мо Цяньсюэ кивнула в ответ на приветствие и села в главное кресло. Мо Цзытан ясным голосом перешел к делу: "Через дюжину дней ты пройдешь обряд полового созревания. Учитывая твой нынешний облик, обряд должен быть грандиозным. Мы хотели бы знать, каких гостей ты собираешься пригласить, чтобы мы могли помочь с рассылкой приглашений и прочим".

Мо Цяньсюэ презирала их, но Мо Цзытан был самым милым среди них троих. Кроме того, он не был неправ. Этот вопрос должен быть поставлен на повестку дня.

Обычно на обряд полового созревания дамы приглашались в основном гости женского пола, но сейчас ее личность уже была поднята, поэтому нельзя было приглашать только некоторых ее подруг. Престижные важные господа также должны быть приглашены.

Разумеется, вместе с женщинами придут и гости-мужчины. Для подготовки необходимо было составить список имен.

Сколько хлопот! Это был всего лишь день рождения.

У нее была душа, получившая современное образование, поэтому обряд полового созревания не имел для нее особого значения. Мо Цяньсюэ задумалась на мгновение и попыталась отменить праздник: "Мой траур по отцу еще не длился год, поэтому не стоит устраивать слишком грандиозную церемонию. Просто пригласим родственников посмотреть на церемонию. Нет необходимости делать ее огромной".

Мо Цзыхуа и Мо Цзые встревожились, услышав ее ответ, один сказал: "Это неправильно", а другой: "Ты должна быть такой небрежной, сестра".

От их невежливых слов лицо Мо Цяньсюэ похолодело. Мо Цзытан поспешно объяснил: "Цзыхуа и Цзые не это имели в виду. Пожалуйста, не пойми их неправильно, сестра.

Они имеют в виду сложные отношения в столице. Если приглашена семья Чжан, то мы должны пригласить и семью Ли, а если приглашена семья Ли, то нельзя игнорировать семью Ван... Даже если сестра не хочет устраивать грандиозный праздник, обряд нельзя отменить. Неважно, сколько людей мы пригласим, если в этот день не будет ничего красного, это не будет неприличным".

Мо Цяньсюэ взяла чашку и неторопливо сдула чайные листья, сделав глоток.

Мо Цзытан был прав. Приглашать людей - это искусство. Она понимала это. В будущем она будет стоять рядом с Нин Шаоцином, и с этого момента начнется дипломатия супругов.

Однако, по ее мнению, у семьи Мо были свои цели, с которыми нужно было налаживать связи через эту церемонию.

Подумав, Мо Цяньсюэ не стала колебаться: "Вы правы, тогда, одиннадцатый молодой господин, пожалуйста, помогите мне решить этот вопрос и придумать, кого мы должны пригласить. Просто составьте для меня список имен. Потом я решу, а дворецкий разошлет приглашения".

Как бы она их ни не любила, они были ее кузенами, которые стояли в трауре по ее отцу.

Как бы она их ни недолюбливала, для посторонних они были единственными мужчинами в особняке Основателей. Когда сюда приходили гости-мужчины, именно они принимали и развлекали их.

Более того, это была простая формальность - позволить семье Мо составить список имен. На самом деле Мо Цяньсюэ хотела выяснить из списка имен намерения семьи Мо, в том числе, с кем она закрыта и с кем больше всего хочет обниматься. Список имен определенно что-то скажет.

Она еще мало знала о сложных отношениях между столичными дворянами, но о том, кого стоит приглашать, а кого нет, она узнает у Нин Шаоцин и ее приобретенной матери.

Когда она назвала одиннадцатого молодого господина, глаза Мо Цзытань потемнели. С тех пор как она вернулась, она больше не называла его братом Тангом, как раньше.

Получив ее одобрение, глаза Мо Цзыхуа и Мо Цзые мгновенно загорелись.

*

Первое, что сделал Нин Шаоцин после возвращения домой, это дал скрытым охранникам послать сообщение Тени, приказав ему расследовать дело Юньяо с самого начала.

Цяньсюэ не была случайной болтушкой. Напротив, она обладала острой наблюдательностью и строгим умом. Если она что-то подозревала, значит, что-то было не так.

Даже если она просто слишком много думала, он был готов приложить усилия, чтобы она могла быть спокойна.

Затем до поздней ночи он занимался офисными делами.

Нин Шаоцину совсем не хотелось спать. Он вспомнил сцену, когда они, обнявшись, любовались закатом, напевая поочередно стихи о прекрасном закате...

Подумав об этом, Нин Шаоцин улыбнулся, и у него вдруг поднялось настроение. Скривив губы, он разложил бумагу и взял перо, записывая: Если бы вы вошли в мое глубокое настроение тоски/ Вы бы поняли мои страдания от тоски/ Длинная тоска вызывает долгие воспоминания/ Короткая тоска не имеет конца.

*

Барабаны показывали, что уже перевалило за полночь, и в столице царила кромешная тьма.

Однако в императорском кабинете во дворце было по-прежнему светло. Император всю ночь просматривал мемориалы, когда главный евнух ввел в кабинет человека в синем.

Мужчина поприветствовал его, преклонив колено: "Я Лу Чжэнъян, рад познакомиться с вами, ваше величество".

Прямая спина и твердый взгляд делали его совсем не похожим на обычного человека, который дрожал бы от страха при встрече с императором.

Оглядев стоящего на коленях человека с ног до головы, император немного удивился, положил мемориал в руку и с улыбкой приказал: "Вставай".

Лу Чжэнъян поблагодарил императора и встал: "Могу я спросить, зачем Ваше Величество вызвали меня сюда, ведь я простой человек?"

Большинство людей были бы слишком беспокойны и не знали бы, куда деть руки перед императором. Они ждали, пока император заговорит первым, и не решались первыми задать вопрос.

Главный евнух собирался выругаться, но проглотил это, когда император поднял руку, останавливая его.

"Ты слишком забегаешь вперед". Император улыбнулся, не сердясь, и встал, чтобы с интересом пройтись по кругу вокруг него: "Отлично. У тебя действительно есть смелость, чтобы справиться с большими событиями".

Слова были хвалебными, но император стал более бдительным.

"Вы льстите мне, Ваше Величество. Я недостоин вашей похвалы". Лу Чжэнъян поклонился в знак уважения: "Я просто народ, знающий мало правил, чтобы казаться смелым. Только сейчас я подумал, что Ваше Величество - мудрый император, который появляется в мире раз в миллион лет, поэтому должно быть что-то серьезное, чтобы Ваше Величество вызвало меня ночью. Поэтому я не решался задать вопрос. Прошу простить меня, Ваше Величество".

Проверив его, император вернулся к своему драконьему креслу: "Раз уж ты так решительно настроен, я тоже не буду ходить вокруг да около".

Лу Чжэнъян опустил голову, не перебивая и ожидая, что будет дальше.

Император неуверенно спросил: "Я слышал, что вы с мастером Нингом друзья?". Это был вопрос, но он содержал явное недовольство.